

Н. В. Веселкова

КОНСТРУКЦИИ АВТОРСТВА / СУБЪЕКТНОСТИ В ОПЫТЕ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ БИОГРАФИЧЕСКИХ ПРОЕКТОВ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX В.*

doi: 10.30759/1728-9718-2020-4(69)-84-92

УДК 930(470)

ББК 63.3(2)6+63.2

В первой половине XX в. в нашей стране осуществлялся целый ряд проектов историко-биографического характера, начиная с деятельности психолога Н. Рыбникова по созданию Биографического института и заканчивая иницированными М. Горьким проектами «История гражданской войны», «История фабрик и заводов» и Комиссией Минца по истории Великой Отечественной войны. Утверждается принадлежность этих проектов к первому этапу развития биографического метода, более известного по исследованиям Чикагской школы. В статье предпринята попытка анализа ответственных проектов на предмет возникавших в них конструкций авторства / субъектности в междисциплинарном ключе биографического метода, а также с помощью мультискалярного подхода к изучению социальной памяти. Показано, что массовость в этих конструкциях имеет несколько аспектов: а) вовлечение «народных масс», б) обеспечение верификации и консенсуса в описании прошлого за счет воспоминаний множества участников, в) перформативность. Демократизация биографизирования рассмотрена в контексте теоремы Хальбвакса. Для того чтобы непривычные к производству воспоминаний люди могли включаться в практики биографизирования, а также для обеспечения полноты и сопоставимости получаемой не только в политических, но и в исследовательских целях информации, разрабатывались полуформализованные методик. Декларировалось, что историю отныне пишут рабочие, однако по большей части они выступали только поставщиками сырого материала, реально же действовали сложносоставные конструкции распределенного авторства.

Ключевые слова: *биографический метод, биографизирование, субъектность, массы, воспоминания, масштабы*

В первой половине XX в. в нашей стране осуществлялся целый ряд проектов историко-биографического характера, имевших разнообразную институционализацию:

- попытка создания Биографического института Н. Рыбниковым;
- исторические комиссии и общества: истпарты, истпрофы и истмолы, Общество бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев, Общество старых большевиков;
- Анкетно-биографическая и Монографическая комиссии Комакадемии, монографические обследования территорий и предприятий Центральным бюро краеведения;
- иницированные М. Горьким проекты «История гражданской войны» (далее — ИГВ), «История фабрик и заводов» (да-

лее — ИФЗ), «Кабинет мемуаров» редакции сборников «Люди двух пятилеток» и работавший параллельно «Кабинет записей» газеты «За индустриализацию»;

- Комиссия по истории Великой Отечественной войны (Минца).¹

По большей части этот богатейший опыт сегодня рассматривается только в рамках отдельных дисциплин. Филологи и историки литературы обращаются к ИФЗ и ИГВ, когда отслеживают «писательство из низов»; в горьковедении к ним прибавляют знаменитую «ЖЗЛ» и менее известные издательские серии Горького, частично или совсем не реализованные, такие как «История молодого человека XIX столетия», «История городов как история русского быта», и др.² Историки иногда видят в работе истпартов и других институций раннюю версию устной истории. И хотя, скажем,

Веселкова Наталья Вадимовна — к.социол.н., доцент кафедры прикладной социологии, Уральский федеральный университет (г. Екатеринбург)
E-mail: vesselkova@yandex.ru

* Статья подготовлена за счет гранта РФФИ, проект № 18-011-00456 А «Масштабирование социальной памяти поколений в городах «старой» и «новой» индустриальности» (рук. М. Н. Вандышев)

¹ Характеристику этих проектов см.: Veselkova N. Biographical method as a methodological tradition in Russia: a review of projects and publications // Russian Sociological Review. 2021 (в печати).

² См.: «Жму вашу руку, дорогой товарищ»: переписка Максима Горького и Иосифа Сталина. 1932–1933 гг. / публ., подгот. текста, вступ. и ком. Т. Дубинской-Джалиловой, А. Чернева // Новый мир. 1998. № 9. С. 167–192.

Ш. Фицпатрик без лишних слов называет ИФЗ «советским проектом по устной истории начала 1930-х»,³ это все еще довольно смело, ведь принято считать, что это направление зародилось в США в середине XX в.⁴ Отечественные начинания оказываются словно бы ненастоящей или несостоявшейся устной историей, особенно если посмотреть на то, чем они в итоге стали — инструментами скорее «политики памяти, нежели исторической науки».⁵

Действительно, начинания того периода отличают идеологическая ангажированность и государственный патронаж — именно эти свойства, как правило, и выходят на первый план при их оценке. Задача настоящей статьи — перенести фокус на конструкции авторства / субъектности — решается путем рассмотрения этих проектов в междисциплинарном ключе биографического метода (далее — БМ). Взлет БМ (исследований с помощью биографий), существенное место в арсенале которого занимают эго-документы, пришелся на первые десятилетия XX в., когда появились «Польский крестьянин в Европе и Америке» и другие работы Чикагской школы, а Ф. Знанецкий запустил польские конкурсы памяти. Той же волне, на наш взгляд, принадлежат и все перечисленные выше отечественные начинания. С начала 2000-х гг. БМ связывают с одноименным эпистемологическим поворотом, маркирующим накопленные достижения и его растущую востребованность на текущем этапе.⁶ Еще одним аналитическим ресурсом служит мультискалярный подход в исследованиях социальной памяти⁷ — выявление масштабов социальных рамок памяти, задействованных в обсуждаемых проектах, и переключения с одной шкалы на другую: ведь для частного лица передать свои воспоминания и наблюдения в

научную институцию, истпроф или бюро краеведения означало изменить масштаб их значимости с личного на общественный.

«Массы» в конструкциях авторства / субъектности

XX век определенно выводил массы на авансцену социальной жизни, но возникала ли при этом новая субъектность? В стране победившего пролетариата массе делегировался номинальный приоритет, ведь это тот социальный слой, который должен был обрести субъектность, если уж сразу весь мир, обещанный «Манифестом коммунистической партии», обрести не получалось. Зато пафоса становления было хоть отбавляй и субъективация через биографизирование впитала его излучение, став частью происходящего переустройства, так что 1920–1930-е гг. прошли под знаком производства воспоминаний и вовлечения низов в эти практики, вместе с которыми возникали и эволюционировали институции, составляющие предмет нашего интереса.

Массовость, особенно на первых порах, шла в ущерб глубинному осмыслению: для начала, казалось, необходимо и достаточно просто собирать информацию.⁸ В 1923 г. составители первого сборника Сибистпарта выражают мечту об «обработке исторических материалов» в будущем, но публикуют заведомо «сырой материал воспоминаний», чтобы «привлечь молчаливых товарищей к работе по описанию исторических моментов, свидетелями и участниками которых они были, дать возможность дополнить и исправить помещаемые в данном выпуске факты и их оценку».⁹ К концу 1920-х гг. «запись воспоминаний и их коллективная проверка»¹⁰ стали рутинной Уральского и других истпартов. Тем же занимались истпрофы, истмолы и другие институции, но тексты едва грамотных людей, коих было немало среди новоявленных «мемуаристов», сами по себе мало что давали, по наблюдению Е. Красильниковой, а «исследователи тех лет редко проявляли профессионализм и трудо-

³ Фицпатрик Ш. Срывайте маски! Идентичность и самозванство в России XX века. М., 2011. С. 164, прим. 73.

⁴ См., напр.: Fry A. R., Baum W. A. Janus Look at Oral History // The American Archivist. 1969. Vol. 32, № 4. P. 319–326; Орлов И. Б. Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления. М., 2010. С. 44, 45.

⁵ Ростовцев Е. А. Российская наука об устной истории // Вестн. Санкт-Петерб. ун-та. История. 2018. Т. 63, вып. 2. С. 525.

⁶ См.: Решина Л. П. Историческая биография и «новая биографическая история» // Диалог со временем. М., 2001. С. 5–12; Рустин М. Размышления по поводу поворота к биографиям в социальных науках // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2002. № 1. С. 7–24; Островская Е. А. Биографический нарратив в изучении религиозности // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политология. 2016. Т. 22, № 4. С. 65–80; The Biographical Turn. London, 2017; и др.

⁷ См.: Веселкова Н. В., Вандышев М. Н., Прямикова Е. В. Молодые города: масштабы мест памяти // Социологическое обозрение. 2017. Т. 16, № 3. С. 36–65.

⁸ На примере истпрофов Р. Гильминтинов показывает, что период «первоначального накопления» растянулся с 1920 до 1928 г. См.: Гильминтинов Р. Р. Истпроф и особенности профсоюзного историописания в СССР в 1920-е гг.: дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2019.

⁹ Косиор С., Преображенский Н. Предисловие // Сборник истпарта. Сибирское Бюро ЦК РКП(б). Новониколаевск, 1923. № 1. (Страницы не нумерованы.) С. В. Косиор — секретарь Сиббюро ЦК РКП(б), Н. Ф. Преображенский — руководитель Сибистпарта.

¹⁰ ЦДОСО. Ф. 41. Оп. 3. Д. 7. Л. 32.

любие. Они часто оставляли воспоминания нерасшифрованными, практически не работали в архивах, не пытались восстановить важные биографические сведения о героях».¹¹

Деятельность Комиссии по истории Великой Отечественной войны тоже оказалась полностью сконцентрированной на сборе документов и интервью, но не из-за недостатка профессионализма, напротив, к моменту ее образования в 1941 г. И. Минц и его сотрудники прошли школу ИГВ и ИФЗ, а писатель А. Бек имел еще и опыт «беседчика» кабинетов записей и мемуаров, планировалось издание подробной летописи войны. К лету 1943 г. был закончен сбор материала и подготовлено около 15–20 авторских листов по обороне Москвы, однако книга не вышла, как полагают специалисты, поскольку несла напоминания «о трагическом отступлении и огромных потерях РККА в начальный период войны, ошибках руководства страны, тяжелой обстановке» в столице и т. п., именно с этим связывают и «сохранение в ходе войны полуофициального статуса Комиссии Минца» и дальнейшую драматическую судьбу ее архива.¹²

Помимо вовлечения низших социальных слоев, массовость позиционировалась как залог верификации (и консенсуса) в описании прошлого за счет воспоминаний множества участников. Еще одним аспектом массовости является ярко выраженная перформативность: воспоминания не только печатались в газетах и сборниках, но и звучали на вечерах и митингах по случаю октябрьских торжеств (на Урале и в Сибири при праздновании дня освобождения от Колчака), служа формой коммеморации революционных событий и героев, работая тем самым на формирование политики памяти в масштабах региона и государства.¹³

В свете мультискалярного подхода, который акцентирует разнообразие масштабов в прак-

тиках социальной памяти, российские 1920-е гг. выделяются сильной артикуляцией персонального и локального измерений: наряду с всемирно-исторической значимостью событий обычно подчеркивалась и региональная, местная специфика. Сибистпарт, например, настаивал на особой самобытности Сибири, где «произошло слишком много исторических событий».¹⁴ Ценность персональных историй в этот период находится в тесной связи с живо воспринимаемой ценностью локальной истории. Позднее, с ритуализацией к концу 1920-х вечеров воспоминаний, созданием единых инструкций по ИФЗ и ИГВ в 1932 г., в логике общего великого перелома (отступления) и возобладания «культуры-2» (по Паперному), господствующим становится общенациональное измерение, а индивидуальное и локальное надолго уходят вглубь,¹⁵ выполняя сугубо служебные, иллюстративные функции.

Гораздо реже в поле зрения попадает другой аспект массовости, сугубо прагматический: позиционирование подобных начинаний как общественных движений помогало осуществлять крупномасштабные изыскания, не только исторические, но и, скажем, в рамках «промышленного краеведения» вплоть до поиска полезных ископаемых, почти бесплатно, за счет народного энтузиазма.¹⁶

Демократизация биографизирования, или Кого приглашали в субъекты

Теорема Хальбвакса гласит: отношение ко времени различно не только в разных обществах, но и в разных социальных классах — так элегантно сформулировали идею последней главы «Социальных рамок памяти», написанных в начале 1920-х гг., современные французские социологи Ш. Гадеа и М. Ляльман. Если высшие классы капитализируют прошлое, культивируя свою коллективную память, то средние заменили ее на утилитарные ценности, а рабочие вообще индифферентны к прошлому.¹⁷

¹¹ Красильникова Е. И. Памятные места и коммеморативные практики в городах Западной Сибири (конец 1919 — середина 1941 г.): дис. ... докт. ист. наук. Омск, 2016. С. 218.

¹² Вклад историков в сохранение исторической памяти о Великой Отечественной войне. На материалах Комиссии по истории Великой Отечественной войны АН СССР, 1941–1945 гг. М.; СПб., 2015. С. 61; Сталинградская битва: свидетельства участников и очевидцев. По материалам Комиссии по истории Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг. М., 2015. С. 120, 603–611.

¹³ См.: Красильникова Е. И. Памятные места...; Она же. Октябрьские торжества в городах — административных центрах Восточной Сибири: коммеморативный аспект (1920–1945 гг.) // Вестн. Томск. гос. ун-та. 2017. № 423. С. 105–115; Худзик С. Ю. «Научная» история и «воспитательные» примеры: дискуссии об исторической достоверности на «вечерах воспоминаний» Ленинградского испарта в середине — конце 1920-х годов // Вестн. Перм. ун-та. История. 2018. № 3 (42). С. 14–21.

¹⁴ Косиор С., Преображенский Н. Указ. соч.

¹⁵ На сибирских материалах Е. Красильникова убедительно показывает, как с начала 1920-х гг. происходил рост внимания к местной революционной истории, к середине 1930-х гг. сменившийся снижением в пользу общегосударственной тематики, см.: Красильникова Е. И. Памятные места... С. 220; Она же. Октябрьские торжества...

¹⁶ Об этом аспекте в ИФЗ см.: Журавлев С. В. К вопросу о роли ЦАУ СССР и РСФСР в выявлении документов по истории фабрик и заводов СССР в 1930-е годы // Археографический ежегодник за 1988 г. М., 1989. С. 191.

¹⁷ См.: Gadéa Ch., Lallement M. French Sociology and Time: Origin, Development, and Current Research // *KronoScope*. 2001. Vol. 1, № 1. P. 104; Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М., 2007. Гл. VII.

Раньше только некоторые «избранники человечества» могли претендовать «на честь иметь свое жизнеописание», теперь же, — рискует утверждать в 1918 г. психолог Н. Рыбников, — «биографии заслуживает каждый, всякая биография может быть интересной и для словесника, и для историка, и для психолога».¹⁸ Демократизация биографизирования (или «демократизирование права на биографию», по выражению Рыбникова),¹⁹ означала, по крайней мере поначалу, более равномерное распределение социальной памяти, когда возможность капитализации прошлого распространялась и на более низкие социальные слои и, что отдельно подчеркивалось учеными, открывала блестящие перспективы для БМ.

«Дворянские архивы и хроники публикуются в большом числе, купеческие — представляют из себя сравнительную редкость», — отмечала во введении к семейной хронике, вышедшей в серии «Библиотека Биографического института», сестра и сподвижница Рыбникова Мария Александровна; именно в описании купеческого быта она видит значимость своей книги «для постороннего читателя».²⁰

Однако десять лет спустя, говоря об исследовательском потенциале юношеских дневников, Рыбников с сожалением констатировал, что по-прежнему в большинстве случаев их авторами являются «юноши из интеллигентных или буржуазных классов. Пока мы мало знаем дневников, вышедших из рабочей и крестьянской среды».²¹ Для возрастной психологии выводы из изучения подобных источников (а к тому моменту уже были известны вдохновляющие работы Ш. Бюлер и др.) будут релевантны только для соответствующей социальной среды, экстраполировать их вовне следует «с большой осторожностью», предупреждал Рыбников.²²

Собираемые и издаваемые истпартами, Обществом старых большевиков, Обществом политкаторжан и другими организациями воспоминания и биографии революционных деятелей

в 1920-е гг. также далеко не всегда демонстрировали пролетарское происхождение и даже «правильную» политическую ориентацию героев.²³ К началу 1930-х гг. ситуация меняется, смакующая купеческий быт хроника уже вряд ли могла бы появиться в печати. Впрочем, когда в ИФЗ речь шла о старых заводах, авторы с увлечением описывали жизнь прежних хозяев, получая все более резкие замечания от политконсультантов редакции. Теорема Хальбвакса начинала действовать в обратном прочтении: культивировались только рабоче-крестьянские жизнеописания. В этом плане весьма показательна книга Рыбникова об автобиографиях рабочих 1930 г., в которой он прослеживает возникновение и типические черты подобных текстов в Европе, где пролетариат возник раньше, и детально разбирает печатные автобиографии российских рабочих.²⁴

Но и среди рабочих выделялись целевые подгруппы по определенным критериям: по типу предприятия (величина, включенность в революционные события, значимость для социалистической стройки) и категориям самих рабочих. Для истпарта, позднее для Комакадемии и ИГВ требовались представители крупных предприятий, имеющих «историко-революционное прошлое».²⁵ Развернутый в 1931 г. «массовый исторический журнал» общества историков-марксистов при Комакадемии «Борьба классов» в постоянной рубрике «Массы творят и пишут историю» объявил задачу «привлечения к писанию истории самих масс, в первую очередь рабочих — участников гражданской войны и социалистической стройки».²⁶ Присутствие в этой рубрике снимков таких талантливых фотографов, как А. Шайхет и С. Фридлянд, помогает понять, насколько комплексно она задумывалась и как сильно должна была впечатлять.

На отобранных предприятиях интерес представляли также не все рабочие, а передовые, то есть попадающие в позитивные ячейки новых таксономий. Для этих авторов публикация их работ служила символической валютой, признанием значимости их жизненного пути и, самое главное, правильности публичного

¹⁸ Рыбников Н. А. Биографический институт. М., 1918. С. 16.

¹⁹ Он же. Автобиографии рабочих и их изучение. Материалы к истории автобиографии как психологического документа. М.; Л., 1930. С. 3.

²⁰ Рыбникова М. А. Горбовская хроника по архиву семьи Щукиных. М., 1919. С. 6. Эта книга и еще несколько брошюр вышли в серии «Библиотека Биографического института». Сам институт в качестве научного, архивного, учебного учреждения, о чем мечтал Рыбников, открыть так и не удалось.

²¹ Рыбников Н. А. Юношеские дневники и их изучение // Психология. 1928. Т. 1, вып. 2. С. 88.

²² Там же.

²³ См., напр.: Павлова Н. А. Воспоминания как источник по изучению представлений промышленных рабочих Пермской губернии о революции 1917 г. // Документ. Архив. История. Современность. Екатеринбург, 2012. С. 300.

²⁴ См.: Рыбников Н. А. Автобиографии рабочих ...

²⁵ См., напр.: ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 3. Д. 7. Л. 9, 32.

²⁶ Наши задачи // Борьба классов. 1931. № 3-4. С. 1-3.

рассказа о нем, а для всех остальных — образом биографизирования.

Историк А. Панкратова (значимая фигура в Комакадемии и ИФЗ, будущий академик) призывала восхищаться тем, как «эпоха нашей социалистической стройки» нашла отражение «прежде всего в работах самих авторов-рабочих, авторов-ударников», повторяя их важные статусы (рабочий—ударник—рабкор—автор): «Вот Салов — рабочий завода АМО, ударник и рабкор, автор книги “Рождение цеха”».²⁷

Рассказывая о начале Комакадемией исследования «О новом в рабочем классе», коллега Панкратовой О. Чаадаева дает более разнообразный перечень «идущих в рядах авангарда» рабочих, куда помимо ударников входят «члены бригад по изучению техники, культармейцы, организаторы бытовых коммун и т. п.»²⁸ И хотя статья называется, в соответствии с принятой мантрой, «Рабочие должны сами писать историю своего класса», речь идет скорее об объектах, а не субъектах исторической работы — о тех рабочих, чьи биографии непременно нужно зафиксировать. Чаадаева пишет о том, как важно для историков вовлекать таких рабочих в сотрудничество и руководить ими. В другом тексте в связи с публикацией нескольких женских историй она подчеркивает, что большая часть одной из них написана самой работницей, не только технически грамотной, но и политически активной ударницей.²⁹ Комиссия по истории Великой Отечественной войны планировала сосредоточиться прежде всего на героях Советского Союза, как следует из доклада И. Минца на собрании эвакуированной Академии наук в Свердловске 5 мая 1942 г.³⁰ Возможно, это был только тактический ход для «правильного» позиционирования Комиссии, которая, в отличие от ИГВ и ИФЗ, так и не была освящена постановлением ЦК; так или иначе, материалов о героях и военачальниках собрано много, и именно они в советское время имели наибольшие шансы на внимание.

Таким образом, чтобы стать счастливым обладателем общественно значимой и выносимой в публичное пространство биографии, необходимо было находиться в правильном месте

(в гуще событий) и в передовых рядах, то есть быть революционером, ударником (позднее стахановцем и т. п.), рабкором, культармейцем, технически грамотным и политически активным. Героев нужно было рисовать «живыми людьми», но не персонально выдающимися, а воплощениями выдающихся форматов социальности.

«Кондиционирование» субъекта из низов: методология и идеология

Мало получить право на биографизирование, надо уметь им воспользоваться. В исследованиях психологии юности, которые в середине 1920-х гг. предпринял профессор М. М. Рубинштейн с помощью специально разработанного им метода автобиографических записей, из 129 студентов московских вузов и техникумов, рабочих курсов и рабфаков лишь немногим более половины (57 %) отнесли себя к учащимся рабочим (а не представителям интеллигентных профессий),³¹ что профессор обстоятельно объясняет:

«По чисто техническим условиям нельзя было с тем же обследованием обратиться к молодежи мало интеллигентной и вне школы, потому что не только трудно найти такие благоприятно настроенные группы, сговориться с ними о всей серьезности данного дела, но и пришлось бы встретиться с затруднениями в записи, с большим недоверием и неумением наблюдать себя и описывать свои переживания».³²

Социологам хорошо известна асимметрия ролей в опросном методе: если интервьюер проходит специальную подготовку, то респондента его роли никто не учит, следовательно, сама процедура должна быть построена так, чтобы участник легко мог освоить свою роль. В случае с биографизированием задача сложнее, это справедливо как для современного БМ, так и для разбираемых практик минувших времен: рабочих 1920–1930-х гг. требовалось «довести до кондиции», чтобы придать способность к биографизированию. Обычно при анализе здесь переключаются на культурную революцию, умение «говорить по-большевистки» и общую революцию в головах.³³ Не умаляя

²⁷ Панкратова А. Рабочие-ударники — в историческую литературу! // Борьба классов. 1931. № 3-4. С. 53.

²⁸ Чаадаева О. Рабочие должны сами писать историю своего класса // Борьба классов. 1931. № 2. С. 97.

²⁹ См.: О. Ч. Ударницы социалистической стройки // Борьба классов. 1932. № 2-3. С. 90.

³⁰ См.: Вклад историков ... С. 81, 82.

³¹ См.: Рубинштейн М. М. Юность: по дневникам и автобиографическим записям. М., 1928. С. 13–26.

³² Рубинштейн М. М., Игнатьев В. Е. Психология, педагогика и гигиена юности. М., 1926. С. 12.

³³ “Revolution of the Mind” и “Revolution on my Mind”, по названию книг М. Дэвида-Фокса и Й. Хелльбека: David-Fox M. Revolution of the Mind: Higher Learning Among the Bolsheviks, 1918–1929. Ithaca; New York, 1997; Хелльбек Й. Революция от первого лица: дневники сталинской эпохи. М., 2017.

заслуг этой исследовательской практики, хотелось бы сфокусировать внимание на том, как «обычные люди» в принципе могли обрести голос, начать рассказывать о своей жизни.³⁴

Решением становились адресные запросы на тематические мемуары, а также вечера воспоминаний, мероприятия по изучению края, местных предприятий, сбору свидетельств о гражданской войне и т. п. Так, Уралистпарт к «10-тилетию освобождения Урала от колчаковщины» в 1929 г. планировал «уточнить учет участников гражданской войны и подготовить их для выступлений с воспоминаниями на рабочих собраниях и по радио, обратив особенное внимание на подготовку к выступлению рабочих с производства».³⁵

Довольно быстро обнаружилась нужда в методразработках — планах и инструкциях. Они требовались, чтобы помочь таким «рабочим с производства» заговорить, тем более на большую аудиторию, письменно или на радио. В тех случаях, когда рассказы хотели сохранить с помощью стенографирования, также требовался какой-то план, чтобы запись не шла вхолостую (стенографирование стоило денег, а специалистов, особенно в глубинке, остро не хватало, так что мероприятие было ответственным). Уже в 1921 г. был опубликован истпартовский «конспект-минимум для воспоминаний», его критикуют за насаждение догмата, но не стоит забывать, что он был запущен с целью строго тематического сбора информации.³⁶

В проектах с преобладающей исследовательской ориентацией вопросники применялись с целью обеспечить полноту и сравнимость получаемой информации. М. М. Рубинштейн в упоминавшихся исследованиях 1925–1927 гг. предлагал молодым людям бланк с 16 вопросами о переходе от детства к отрочеству. Формализация не была жесткой: профессор пояснял, что это не анкета, напротив, требуется связное изложение, вопросы «не

должны стеснять пишущего» (многие участники прилагали дополнительные листы, иногда со своими стихами или прозой).

Тогда же главный советский историк, замнаркома просвещения РСФСР М. Н. Покровский выступил с призывом работать с воспоминаниями как с историческим источником. Подобно Рыбникову, Покровский считал условиями научности массовость воспоминаний и их организованный характер: недостаточно просто побуждать людей делиться воспоминаниями, нужно снабдить их определенным планом (анкетой), дабы они не упустили ничего важного. В 1924 г., в преддверии 20-летия первой русской революции, Покровский опубликовал проект анкеты для сбора воспоминаний о 1905 г., особо оговаривая его гибкость и вариативность.³⁷

Составленная позднее анкетно-биографической комиссией Комакадемии «схема-вопросник» по революции 1917 г. стала еще более обширной, с блоком о биографии и быте, вопросы перемежались обстоятельными примечаниями, а инструкция приближалась к принятым сегодня установкам нарративного биографического интервью.³⁸ Это руководство было использовано на двух московских предприятиях: Трехгорной мануфактуре и заводе «Серп и молот». Воспоминания-«автобиографии» рабочих стенографировали или просто записывали в течение двух-трех, а иногда и более встреч по месту жительства, формат варьировался от «живого и плавного рассказа самого рабочего», к чему стремились, до ответов на вопросы интервьюера, часть информантов писали сами, сверяясь с предложенной схемой. По итогам по каждому заводу был выпущен сборник с обобщающими статьями и избранными автобиографиями, а с исходными материалами всех желающих приглашали знакомиться в научном кабинете при библиотеке Комакадемии.³⁹

Подобные планы и вопросники предлагались сначала очень деликатно, в связи с чем различают более самостоятельные тексты пер-

³⁴ В более общем плане данная постановка вопроса принадлежит также Хельбеку, который от «революции в головах» переходит к изучению того, как возникает субъект биографического опыта, как и почему в итоге становятся возможны так называемые сырые биографические материалы. См.: Hellbeck J. Galaxy of Black Stars: The Power of Soviet Biography // *American Historical Review*. 2009. Vol. 114, № 3. P. 615.

³⁵ ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 3. Д. 7. Л. 50.

³⁶ См.: Батурин Н. Конспект-минимум для воспоминаний // *Бюллетень Истпарта*. 1921. № 1. С. 11, 12. Оценку см., напр.: Klymenko O. Constructing Memoirs of the October Revolution in the 1920s // *Historical Memory of Central and East European Communism*. New York, 2018. P. 260–273.

³⁷ См.: Покровский М. Н. Двадцатилетие нашей первой пролетарской революции // *Пролетарская революция*. 1924. № 11. С. 5–13; Он же. Проект анкеты по революции пятого года (Приложение к статье М. Покровского) // *Пролетарская революция*. 1924. № 11. С. 14.

³⁸ См.: Собрание автобиографий и воспоминаний участников революции 1917 г. и гражданской войны // *История пролетариата СССР*. 1931. № 8. С. 185–191.

³⁹ См.: Рабочие Трехгорной мануфактуры в 1905 году. Русский рабочий в революционном движении. Сб. первый. М., 1930; Рабочие завода «Серп и молот» (б. Гужон) в 1905 году. Русский рабочий в революционном движении. Сб. второй. М., 1931.

вой половины 1920-х гг. и все более унифицированные последующие воспоминания.⁴⁰ У истпартов, истпрофов и других возникших в начале 1920-х гг. исторических комиссий и обществ процесс затвердевания меморативных канонов растянулся на десятилетие. Образованные в начале 1930-х гг., но в принципиально другую эпоху ИГВ и ИФЗ⁴¹ испытали аналогичные изменения, но в гораздо более сжатые сроки.⁴²

Заключение: распределенное авторство

Становление модерного массового общества привело к демократизации биографизирования, которая обусловила перераспределение социальной памяти с ее ресурсами и коллизиями в пользу тех социальных слоев, которым ранее не было свойственно вести дневники и писать мемуары. В этом процессе можно выделить разные слои: спонтанно возникавшие социальные практики, когда люди стремились зафиксировать свой опыт, сохранить артефакты и идущую по пятам институционализацию и научные исследования, которые, в свою очередь, стимулировали и форматировали социальные практики.

При всем декларировании, что историю отныне пишут рабочие, по большей части они были поставщиками сырого материала в том смысле, в каком С. Третьяков говорит о герое «Дэн Ши-Хуа: Био-интервью», называя его «сырьевщиком фактов своей биографии».⁴³ За провозглашением субъектности масс выстра-

ивались сложносоставные конструкции распределенного авторства. Организацией работ и составлением итоговых текстов занимались профессионалы. Распределенность авторства проявлялась не только в синхронном, но и в диахронном разделении труда: установка на то, чтобы сначала только собирать информацию, нередко приводила к тому, что сбором и в лучшем случае публикацией первичных материалов дело и заканчивалось. Со стартом ИГВ и ИФЗ вопрос перешел в другую плоскость: должен ли автор (как правило, это был приглашенный писатель) сам собирать все данные или его роль сводится к простой «литературно-художественной шлифовке материала»?⁴⁴ Упорядочение посредством формализации отвечало потребности в производстве субъектности и производстве материалов, неверно было бы считать использование инструкций и вопросников чистой воды индоктринацией: они выполняли как воспитательную, так и исследовательскую функции — в разных проектах и на разных этапах в различной пропорции, с тенденцией к усугублению воспитательной миссии на более поздних этапах. В целом же обращение к опыту работы с эго-документами психологов Н. Рыбникова, М. Рубинштейна, истпартов и других исторических комиссий и обществ демонстрирует, что БМ, ранее считавшийся укорененным исключительно в западной традиции первой половины XX в., имеет прочные основания и в отечественной практике того же периода.

⁴⁰ См.: Красильникова Е. И. Памятные места... С. 93.

⁴¹ Как показал С. В. Журавлев, создание ИГВ и ИФЗ в 1931 г. совпало с публикацией письма Сталина в журнал «Пролетарская революция» и развернувшейся затем идеологической кампанией с долговременными последствиями для исторической науки и культуры памяти: Журавлев С. В. Феномен «Истории фабрик и заводов»: горьковское начинание в контексте эпохи 1930-х годов. М., 1997.

⁴² Инструкция по составлению ИФЗ была опубликована в газетах 28 ноября 1931 г., спустя всего три месяца после первой статьи Горького и полтора месяца после постановления ЦК ВКП(б), см.: А. М. Горький и создание истории фабрик и заводов. Сборник документов и материалов в помощь работающим над историей фабрик и заводов СССР. М., 1959. С. 50.

⁴³ Произведение начинало печататься в 1927 г.; цит. по предисловию к изданию 1934 г.: Третьяков С. М. Страна-перекресток: док. проза. М., 1991. С. 7.

⁴⁴ А. М. Горький и создание истории фабрик ... С. 50.

Natalia V. Veselkova

Candidate of Sociological Sciences, Ural Federal University (Russia, Ekaterinburg)

Email: *vesselkova@yandex.ru*

AUTHORSHIP / SUBJECTIVITY IN THE EXPERIENCE OF RUSSIAN BIOGRAPHICAL PROJECTS OF THE FIRST HALF OF THE 20th CENTURY

In the first half of the 20th century a number of projects with a historical and biographical “stuffing” were carried out in our country, from psychologist N. Rybnikov’s activity to establish Biographical Institute up to Gorky’s “History of the Civil War”, “History of Factories and Plants” and the Mintz Commission on the History of the Great Patriotic War. The affiliation of these projects to the first stage of the development of the biographical method, better known from the studies of the Chicago school, is asserted. The article attempts to analyze Russian projects on the subject of authorship / subjectivity constructions arising in them in an interdisciplinary way of the biographical method, as well as using a multiscale approach to the study of social memory. It has been shown that “mass character” in these constructions has several aspects: a) involvement of the “masses”, b) key to verification and consensus in describing the past through the recollections of many participants, c) performativity. The democratization of biography-writing is considered in the context of the ‘Halbwachs Theorem’. In order for people unaccustomed to producing memories to be included in biographical practices, as well as to ensure the completeness and comparability of information obtained not only for political, but also for research purposes, semi-formalized methods were developed. Nevertheless, with all the declarations that the workers are now writing history, for the most part they were only suppliers of raw material, and the complex constructions of distributed authorship actually acted.

Keywords: *biographical method, biographization, subjectivity, masses, memories, scales*

REFERENCES

- David-Fox M. *Revolution of the Mind: Higher Learning Among the Bolsheviks, 1918–1929*. Ithaca; New York: Cornell University Press, 1997. (in English).
- Fitzpatrick Sh. *Sryvayte maski! Identichnost' i samozvanstvo v Rossii XX veka* [Tear off the Masks! Identity and Imposture in 20th century Russia]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2011. (in Russ.).
- Fry A., Baum W. A Janus Look at Oral History. *The American Archivist*, 1969, vol. 32, no. 4, pp. 319–326. (in English).
- Gadéa Ch., Lallement M. French Sociology and Time: Origin, Development, and Current Research. *KronoScope*. 2001, vol. 1, no. 1, pp. 101–128. DOI: 10.1163/156852401760060946 (in English).
- Gilmintinov R. R. *Istprof i osobennosti profsoyuznogo istoriopisaniya v SSSR v 1920-ye gg.: kand. diss.* [Istprof and features of trade union historiography in the USSR in the 1920s: Diss. Cand.]. Tomsk, 2019. (in Russ.).
- Halbwachs M. *Sotsial'nyye ramki pamyati* [The Social Frameworks of Memory]. Moscow: Novoe izdatelstvo Publ., 2007. (in Russ.).
- Hellbeck J. Galaxy of Black Stars: The Power of Soviet Biography. *American Historical Review*, 2009, vol. 114, no. 3, pp. 615–624. DOI: 10.1086/ahr.114.3.615 (in English).
- Hellbeck J. *Revoljutsiya ot pervogo litsa: dnevniki stalinskoy epokhi* [Revolution on My Mind. Writing a Diary under Stalin], Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2017. (in Russ.).
- Khudzik S. Yu. [“Scientific” History and “Educational” Examples. The Discussions on Historical Truth at the Leningrad Istpart “Reminiscence Evenings” in the second half of the 1920s]. *Vestnik Permskogo universiteta. Istorija* [Perm University Herald. History], 2018, no. 3 (42), pp. 14–21. DOI: 10.17072/2219-3111-2018-3-14-21 (in Russ.).
- Klymenko O. Constructing Memoirs of the October Revolution in the 1920s. *Historical Memory of Central and East European Communism*. New York: Routledge, 2018, pp. 260–273. DOI: 10.4324/9781351009287-12 (in English).
- Krasilnikova E. I. [October celebrations in the administrative centers of Eastern Siberia: a commemorative aspect (1920–1945)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal], 2017, no. 423, pp. 105–115. DOI: 10.17223/15617793/423/14 (in Russ.).

- Krasilnikova E. I. *Pamyatnye mesta i kommemorativnye praktiki v gorodakh Zapadnoy Sibiri (konets 1919 — seredina 1941 g.): dokt. diss.* [Memorable places and commemorative practices in the cities of Western Siberia (the late 1919 — mid 1941): Diss. Doc.]. Omsk, 2016. (in Russ.).
- Orlov I. B. *Sovetskaya pousednevnost': istoricheskiy i sotsiologicheskiy aspekty stanovleniya* [Soviet everyday life: historical and sociological aspects of formation]. Moscow: HSE Publ., 2010. (in Russ.).
- Ostrovskaya E. A. [Biographical Narrative Applied to the Study of Religiosity]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sotsiologiya i politologiya* [Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science], 2016, vol. 22, no. 4, pp. 65–80. (in Russ.).
- Pavlova N. A. [Memoirs as a source for studying ideas of industrial workers of the Perm province about the 1917 revolution]. *Dokument. Arkhiv. Istoriya. Sovremennost'*. [Document. Archive. Story. Modernity]. Ekaterinburg: Izd-vo Ural'skogo un-ta Publ., 2012, pp. 299–303. (in Russ.).
- Repina L. P. [Historical biography and the “new biographical history”]. *Dialog so vremenem: Almanakh intellektualnoy istorii* [Dialogue with Time: Intellectual History Review], 2001, iss. 5, pp. 5–12. (in Russ.).
- Rostovtsev E. A. [Oral History in Russian Historiography]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya* [Vestnik of Saint Petersburg University. History], 2018, vol. 63, iss. 2, pp. 522–545. DOI: 10.21638/11701/spbu02.2018.213 (in Russ.).
- Rubinstein M. M. *Yunost' po dnevnikam i avtobiograficheskim zapisyam* [Youth on diaries and autobiographical notes]. Moscow: Vysshieye pedagogicheskiye kursy pri Mosk. vyssh. tekhn. Uchilishche Publ., 1928. (in Russ.).
- Rubinstein M. M., Ignatiev V. E. *Psikhologiya, pedagogika i gigiyena yunosti* [Psychology, pedagogy and hygiene of youth]. Moscow: Mir Publ., 1926. (in Russ.).
- Rustin M. [Reflection on the Biographical Turn in Social Science]. *Interaktsiya. Interv'yu. Interpretatsiya* [Inter], 2002, no. 1, pp. 7–24. (in Russ.).
- Rybnikov N. A. [Youth diaries and their study]. *Psikhologiya* [Psychology], 1928, vol. 1, iss. 2, pp. 83–95. (in Russ.).
- Rybnikov N. A. *Avtobiografii rabochikh i ikh izucheniye. Materialy k istorii avtobiografii kak psikhologicheskogo dokumenta* [Workers' autobiographies and their study. Materials for the history of autobiography as a psychological document]. Moscow; Leningrad: Gosizdat Publ., 1930. (in Russ.).
- Rybnikova M. A. *Gorbovskaya khronika po arkhivu sem'i Shchukinykh* [Gorbovsky Chronicle from the Shchukin family archive]. Moscow: B. i., 1919. (in Russ.).
- The Biographical Turn*. London: Routledge, 2017. (in English).
- Veselkova N., Vandyshev M., Pryamikova E. [Young Towns: Scaling Sites of Memory]. *Sotsiologicheskoe obozrenie* [Russian Sociological Review], 2017, vol. 16, no. 3, pp. 36–65. DOI: 10.17323/1728-192X-2017-3-36-65 (in Russ.).
- Zhuravlev S. V. [On the role of the CAA of the USSR and the RSFSR in the identification of documents on the history of factories and plants of the USSR in the 1930s]. *Arkheograficheskiy ezhegodnik za 1988 g.* [Archaeographic Yearbook for 1988]. Moscow: Nauka Publ., 1989, pp. 185–195. (in Russ.).
- Zhuravlev S. V. *Fenomen “Istorii fabrik i zavodov”: gor'kovskoe nachinanie v kontekste epokhi 1930-kh gg.* [The Phenomenon of “The History of Factories and Plants”: Gorky's Initiative in the Context of the 1930s]. Moscow: IRI RAN Publ., 1997. (in Russ.).